

ЮНОСТЬ

6

1964

В Н О М Е Р Е :

Передовая	3
Стихи: * Лев ТИМОФЕЕВ. Времена года. Ночной полет. * Вячеслав ШАПОШНИКОВ. Багульник. Журавль. Знакомому мальчишке. * Николай РУБЦОВ. «Я весь в мазуте, весь в тавоте...». «Я забыл, как лошадь запрягают...». «Загородил мою дорогу обоз...». Улетели листья. * Николай НОВИКОВ. Районные клубы. «С чемоданом худым...». Уют. * Надежда МАЛЬЦЕВА. «Отдайте мне тайны...». Весна. Телефону. «Не тронь, ты мнешь мои цветы!..». «Люди проходят передо мной...»	4—8
Геннадий БОКАРЕВ. Мы. Повесть	9
Фридрих ГОРЕНШТЕЙН. Дом с башенкой. Рассказ	47
Алексей КОРОБОВ. Маяк. Рассказ	58
Стихи: * Валентина ТВОРОГОВА. Письмо. Дождь. Палангские стихи. «Быть матросом чертовски трудно!..» * Александр ЮДАХИН. Боре Камышеву. * Алла АХУНДОВА. «Я верю в предсказанья птиц...». «Если листья—зеленые флаги...» Зимняя сказка. * Сергей ШОПЫРЕВ. Истопница. «Ненастье было этой ночью...» * Леонид ГУБАНОВ. Художник.	65—68
Нинель КРАСКО. Заочники	69
Александр АРОНОВ. Сирень. Стихи.	72
Наука и техника	
Роберт ВИТОЛНИЕК. Серебристые облака	73
Тамара ЮЛЬЕВА. В поисках земной крови	76
К нашей вкладке	
Е. КИБРИК. Пользуясь поводом...	81
Сильные духом	
«...Это моя жизнь...» Письма и записки Георгия Савченко	83
Первая книга	86—87
Почта «Юности»	
Валерий Г. Человек в беде	88
Заметки и корреспонденции	
* Генрих ПОЖИДАЕВ. Письмо с Берингова моря. * А. СТЕПАНЯН. В раскаленной печи. * Илья СУСЛОВ. Путешествие в страну «Поэзия». * Ю. МАКСИМОВ. Интервью с Натасей Ростовской. * Попутного ветра!	89—96
* Встречи с читателями.	97
Л. ПЛЕШАКОВ. Последний дом моряка...	97
Спорт	
Степан СПАНДАРЯН. «Молодые ветераны»	101
Шахматы (Под редакцией В. Васильева)	
А. ТИШКОВ. И в шахматах есть композиторы...	104
«Пылесос». (Страницы сатиры и юмора. Под редакцией Арк. Арканова).	
* Герман ДРОБИЗ. Строки любви. Железные нервы. * Б. ПУРГАЛИН. Критика. * Ф. САМОЙЛОВИЧ. Из народных усмешек... * Владимир и Михаил КАШАЕВЫ. Литературные пародии	106—109
На стендах «Юности»	
Лев КАССИЛЬ. Воображение Нади Рушэвой	110

На обложке — рисунок художника Ю. ПЕТРОВА.

Художественный редактор
Ю. Цишевский.

Технический редактор
Л. Зябкина.

Адрес редакции: Москва, Г-69, ул. Воровского, 52. Телефон Д 5-17-83.
Рукописи не возвращаются.

А 00686. Подп. к печ. 1/VI 1964 г. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 1100.
Заказ № 1146. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Бум. л. 3.63. Печ. л. 11.89.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ДОМ С Башенкой

Рисунки
Ю. Вечерского.

Ф. ГОРЕНШТЕЙН

Инженер Фридрих Горенштейн работал на шахте в Кривом Роге, а затем прорабом на одной из строек Киева.

В центральной печати выступает первый раз.

Мальчик плохо различал лица, они были все одинаковы и внушали ему страх. Он примостился в углу вагона, у изголовья матери, которая в пуховом берете и пальто, застегнутом до горла, лежала на узлах. Кто-то в темноте сказал:

— Мы задохнемся здесь, как в душегубке. Она все время ходит под себя... К концы концы здесь дети...

Мальчик торопливо вынул варежку и принялся растирать лужу по полу вагона.

— Почему ты упрямисься? — спросил какой-то мужчина. — Твоя мама больна. Ее положат в больницу и вылечат. А в эшелоне она может умереть...

— Мы должны доехать, — с отчаянием сказал мальчик, — там нас встретит дед.

Но он понимал, что на следующей станции их обязательно высадят.

Мать что-то сказала и улыбнулась.

— Ты чего? — спросил мальчик.

Но мать не ответила, она смотрела мимо него и тихо напевала какой-то мотив.

— Ужасный голос, — вздохнули в темноте.

— Ничего не ужасный, — огрызнулся мальчик. — У вас самих ужасный...

Рассветало. Маленькие оконца товарного вагона посинели, и в них начали проскакивать верхушки телеграфных столбов. Мальчик не спал всю ночь, и теперь, когда голоса притихли, он взял обеими руками горячую руку матери и закрыл глаза. Он заснул сразу, и его мягко потряхивало и постукивало спиной о дощатую стенку вагона. Проснулся он тоже сразу, от чужого прикосновения к щеке.

Поезд стоял. Дверь вагона была открыта, и мальчик увидел, что четверо мужчин несут его мать на

носилках через пути. Он прыгнул вниз, на гравий железнодорожной насыпи, и побежал следом.

Мужчины несли носилки, высоко подняв и положив на плечи, и мать безразлично покачивалась в такт их шагам.

Было раннее, холодное утро, обычный в этих степных местах мороз без снега, и мальчик несколько раз спотыкался о примерзшие к земле камни.

По перрону ходили люди, некоторые оборачивались, смотрели, а какой-то парень, лет на пять старше мальчика, спросил у него с любопытством:

— Умерла?

— Заболела,— ответил мальчик,— это моя мама.

Парень с испугом посмотрел на него и отошел.

Носилки внесли в дверь вокзала, и мальчик тоже хотел пройти туда, но медсестра в телогрейке, наброшенной поверх халата, взяла его за плечо и спросила:

— Ты куда?

— Это ее сын,— сказал один из мужчин и добавил: — А вещи где ж? Эшелон уйдет, без вещей останетесь...

Мальчик побежал назад, к эшелону, но запутался и оказался на городской площади с противоположной стороны вокзала. Он успел заметить очередь на автобус, старый одноэтажный дом с башенкой и старуху в шерстяных чулках и галошах, торгующую рыбой.

Потом он побежал назад, однако железнодорожные пути у перрона оказались пустыми, эшелон уже ушел. Мальчик еще не успел испугаться, как увидел свои вещи, сложенные на перроне. Все было цело, кроме кошелки с лепешками и сушеным урюком.

— Твои вещи? — спросила женщина в железнодорожной шинели.

— Мои,— ответил мальчик.

— А что в этом узле? — И ткнула ногой грязный, сплюснутый узел.

— Машины фетровые боты,— сказал мальчик,— и два ватных одеяла... И коричневый отрез...

Женщина не стала проверять, взяла узел и чемодан, а мальчик взял другой узел и чемодан, и они пошли к вокзалу. Они внесли вещи в теплый зал, где на деревянных скамьях и прямо на полу сидело много людей.

— Я в медпункт,— сказал мальчик,— у меня мама заболела.

— Я твои вещи караулить не буду.

— Ну, еще немного, я заплачу.

— Дурень,— поморщилась женщина,— я ведь на работе.

Но мальчик уже выбежал на перрон. Он с трудом нашел двери медпункта. На клеенчатой скамье кто-то лежал, вытянувшись, и мальчик глотнул несколько раз тяжело и, подойдя, увидел руку с синими ногтями. Только тогда он заметил, что это незнакомый старик. Лицо его было накрыто носовым платком, и две женщины сидели рядом, сгорбившись. Одна, помоложе, плакала, а другая, постарше, молчала.

Мальчик быстро отступил назад.

— А где моя мама? — спросил он и огляделся.

Из боковой двери вышла медсестра в телогрейке.

— Мать твою в больницу отправили,— сказала она.

— В какую больницу? — спросил мальчик.

— У нас в городе одна больница... Сядешь на автобус, доедешь...

Тогда он вспомнил про площадь, и очередь, и дом с башенкой, и старуху в шерстяных чулках, торгующую рыбой. Он вновь побежал по другую сторону вокзала и увидел все это. Он стал в очередь за какой-то меховой курткой с меховыми пуговицами на

хлястике. Но автобуса все не было, и он побежал через площадь, оказался на узкой улице, среди старых, деревянных домов, и здесь вспомнил, что не знает, где больница.

Улица была пуста, лишь у обмерзшей льдом водопроводной колонки две девочки играли с собакой.

— Где больница? — спросил он, но девочки посмотрели на него, рассмеялись и убежали в калитку, а собака подскочила к его пяткам и, осклаившись, залаяла. Мальчик поднял кусок льдышки и кинул в собаку. Она завизжала. Из калитки вышли женщина в ушанке и две девочки, незаметно строящие ему рожи. Женщина начала что-то кричать, мальчик так и не понял, почему и что она кричит.

— Где больница? — тихо спросил он.

Женщина перестала кричать.

— Ты идешь не в ту сторону,— сказала она,— перейди через площадь и садись на автобус.

Мальчик повернулся, пошел назад и опять увидел дом с башенкой, очередь и старуху, торгующую рыбой.

Он стал в очередь за шинелью с подколотым пустым рукавом, и автобус опять долго не появлялся. Тогда он спросил у шинели, где больница.

— Это далеко,— сказала шинель.— Видишь трубу? За трубой еще с километр. На автобусе надо ехать.

Но автобуса все не было, и мальчик пошел по направлению к трубе. Сразу же в начале улицы его обогнал автобус.

Мальчик шел очень долго и за это время успел привыкнуть к тому, что мать его в больнице, а он остался один среди незнакомых людей. Главное было теперь добраться до трубы и найти больницу. В дороге его еще несколько раз обгонял автобус. Вблизи труба оказалась громадной и ржавой, на кирпичном фундаменте. Мальчик постоял немного, отдышал, держась рукой в варежке за проволоку, идущую от трубы к земле. Проволока была скользкая и холодная. Потом он пошел дальше, и какой-то прохожий показал ему больницу. Мальчик поднялся по ступенькам, вошел в коридор и наткнулся на женщину в марлевой косынке.

— Ты куда,— сказала женщина и растопырила руки,— ты куда в пальто?.. Ты чего?..

Мальчик нырнул у нее под руками, толкнул стеклянную дверь и сразу увидел мать. Она лежала на кровати посреди палаты.

— Вот,— сказал он,— вот, вот...

— Что «вот»? — спросила женщина.— Чего «вот»?

Но мальчик держался за ручку двери и повторял:

— Вот, ну вот же...

Мать была острижена наголо, и глаза ее, очень темные на желтом лице, смотрели на мальчика. Она была в сознании.

— Син,— сказала она шепотом.

И тогда мальчик заплакал.

— Ну, тише,— сказала женщина в косынке,— давай сюда пальто и подойди к матери.

— Я тебя искал,— сказал мальчик, продолжая плакать.

— Мне уже легче,— сказала мать.— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо,— сказал мальчик.— А ты скоро выздоровеешь?

— Скоро,— сказала мать.— Поешь кашу. Сестра, дайте ему ложку.

— Это не положено,— сказала сестра.

— Возьми маленькую ложечку,— сказала мать,— и садись на табурет.

— Это не положено,— повторила сестра,— я вынуждена буду удалить мальчика.

— Кушай, кушай, сын,— сказала мать,— не бойся.
— Я повешу твоё пальто в коридоре,— сердито сказала сестра и вышла из палаты.

— Надо дать телеграмму деду,— сказал мальчик,— деньги у меня есть... А вощи я оставил на вокзале... Главное, чтоб ты выздоровела.

— Я выздоровею,— сказала мать.— Как ты поху-дел...

— Приедем, я поправлюсь,— сказал мальчик.— Война скоро кончится.

Появилась сестра.

— Мальчик, выйди из палаты. Сейчас начнется обход...

— Я дам телеграмму и вернусь,— сказал мальчик,— я сразу вернусь к тебе.

— Наклонись,— сказала мать.

Мальчик наклонился, и она поцеловала его в щеку. Губы у нее были шершавые и горячие.

Он вышел на улицу, и автобус подошел очень быстро, остановка была прямо против больницы. «Все в порядке,— подумал мальчик,— теперь лучше, чем полчаса назад, когда я шел и ничего не знал».

В автобусе было жарко, и мальчик снял варежки и расстегнул крючок воротника. Тогда стало холодно, и он снова застегнул крючок, а руки сунул в карманы.

Он сошел на площади, где по-прежнему стояла старуха, торгующая рыбой, и вдруг почувствовал голод, купил коричневую печеную рыбу и понюхал ее — она пахла чем-то незнакомым,— и, идя через площадь к дому с башенкой, где была почта, силясь вспомнить, как подошел к старухе, о чем говорил и сколько заплатил за рыбу.

Он потянул к себе тяжелые двери почты, и за ними была короткая лесенка винтом к другим дверям. А за теми дверями комната, перегороденная деревянной стойкой.

Почтовые окошки заслоняли чужие спины; куда бы мальчик ни подходил, он всюду наткался на спины.

— Ты чего? — спросил какой-то мужчина. — Чего ты здесь путаешься?

— Мне телеграмму дать,— сказал мальчик и, вспомнив, что никогда в жизни не давал телеграмм, добавил: — Вы мне напишите телеграмму.

— Подожди,— сказал мужчина,— сядь, не путайся под ногами.

Мальчик присел на стул и отщипнул кусочек рыбы. Под коричневой кожей она была очень белая и не соленая. Потом он посмотрел в окно и почувствовал беспокойство: начинало уже темнеть.

— Тетя,— сказал он женщине в платке,— напишите мне телеграмму.

— Какой нетерпеливый! — сказал мужчина. — Ну чего тебе? Какую телеграмму? — И взял телеграфный бланк.

— Мама заболела, лежит в больнице,— продиктовал мальчик,— дед, приезжай.

Мужчина и женщина посмотрели на мальчика.

— Ох, народ мучается,— вздохнула женщина,— ох, страдает народ...

Мальчик заплатил за телеграмму, спрятал квитанцию в варежку, и ему стало спокойней. Он вышел на площадь и побежал к подъезжавшему автобусу. Посреди площади он вспомнил, что забыл рыбу на почте, но не стал возвращаться, побежал дальше.

Пока он бежал, что-то мокрое и холодное несколько раз прикасалось из темноты к его лицу, а когда автобус остановился у больницы, вдоль дороги были уже белые полосы и мимо фонарей летел снег.

Мальчик быстро поднялся по заснеженным ступ-

енькам, пошел в знакомый коридор, а оттуда в слабо освещенную палату.

— Мама,— сказал он,— я дал телеграмму деду...

— Тише,— появилась откуда-то сердитая медсестра со шприцем в руках,— мать твоя спит, не видишь?..

Мать лежала на боку, рот ее был полуоткрыт, и мальчику вдруг показалось, что она не дышит.

— Она живая? — тихо спросил он сестру.

— Живая, живая,— ответила сестра,— ей спать надо... А тебя куда девать? Ночевать у тебя есть где?

— Я здесь посижу,— сказал мальчик.

— Здесь не положено,— сказала сестра.— Опять прямо в пальто в палату! — И взяла его за воротник пальто.

Тогда мальчик дернулся и вырвался, но сестра переложила шприц из правой руки в левую и снова, уже крепче, взяла его за воротник.

— Я милиционера позову,— сказала она.

Потом кто-то взял мальчика за руку и повернул к себе.

И мальчик увидел халат весь в желтых пятнах, перед самыми глазами мальчика было пятно, похожее на жука, а чуть левее, у костяных пуговиц, пятно, похожее на черепаха с длинной шеей.

— Это сын той, с эшелона,— сказала сестра халату.

— Ну-ка, расстегни пальто,— сказал халат и приложил ко лбу мальчика твердую ладонь, при этом жук дернулся, пополз, а черепаха зашевелила шеей.

Мальчик хотел вырваться, но сестра крепко держала его за спиной.

— Ну-ка,— повторил халат и взял мальчика за кисть своей второй рукой. Вторая рука была мягкая, с коротко остриженными ногтями и темными волосиками на пальцах, и мальчик немного успокоился.

— Раздевайся,— сказал халат.

— Мне можно остаться? — спросил мальчик.

— Да... Мы вас вместе вылечим и поедем дальше.

— А разве я тоже больной? — спросил мальчик.

— Да,— нетерпеливо ответил халат: его звали в другую палату.— Сестра, положите его на эту койку.— Он показал на свободную койку в другом конце палаты и ушел...

— Пойдем,— позвала сестра и вышла в коридор.

Она привела его в каморку без окон и щелкнула выключателем, но в каморке по-прежнему было темно, видно, перегорела лампочка. Тогда сестра зажгла свечу, и при свете этой свечи мальчика почему-то стало знобить.

Он разделся, сбрасывая все на пол, а сестра, ворча, подбирала одежду и заталкивала ее в мешок. Потом он натянул штанину серых, больничных кальсон и лег отдохнуть.

Сестра подняла его, натянула вторую штанину, одела рубашу и повела в палату, держа за плечи.

Ткнувшись о постель, мальчик прижался головой к подушке, но сестра снова растормошила его и дала половинку какой-то таблетки.

— Глотай,— сказала сестра,— набери слюны в рот и глотай.

Во рту у мальчика было сухо, и горькая таблетка растаяла по языку...

— Дайте пить,— сказал мальчик.— А кушать когда у вас дают?

— Вот ты зачем сюда пришел,— сердито сказала сестра.— Ужин уже кончился...

Она ушла в глубину палаты и принесла стакан холодного чая и несколько галет.

— Бери... Мать не ела...

Мальчик выпил чай, съел галеты и лег. Между ним и матерью было три койки, и, чтоб видеть мать, он

должен был опираться на локти, потому что ее за-слоняла голова то ли старика, то ли старухи с острым носом и острым подбородком.

Мать лежала теперь навзничь, одеяло на ее груди часто приподнималось и опускалось.

Мальчик ненадолго заснул, и ему ничего не снилось, а когда проснулся, по-прежнему была ночь и мать по-прежнему лежала навзничь. Он поднялся на локтях, потом сел, чувствуя дрожь во всем теле, подошел босиком по холодному полу к ее кровати и долго стоял так и ждал, пока мать пошевелится. И она пошевелилась, подняла колени и вздохнула глубоко и спокойно.

Тогда он вернулся к себе на койку и, глядя в темноту под потолком, подумал, как они приедут домой, в свой город, и будут вспоминать все это. Старик рядом начал ворочаться и стонать, и, чтобы стоны эти не мешали думать, мальчик укрылся с головой одеялом. За ночь он еще несколько раз вставал, подходил к матери и ждал, пока она пошевелится. А потом ложился и то засыпал, то просыпался. Когда он проснулся в последний раз, потолок уже был серый и в окна виден был падающий снег. И он обрадовался, потому что ночь кончилась. Он оперся на локти, посмотрел на мать и опять обрадовался, потому что она шевелилась, даже приподнималась и что-то говорила.

Мальчик улыбнулся, и ему захотелось рассказать матери про телеграмму и про то, как он ночью боялся, когда она лежала неподвижно.

Но вдруг старик рядом крикнул:

— Сестра, женщина умирает!

Мальчик встал с койки и увидел, что мать хрипит и шея ее выгибается, а голова глубоко погружена в подушку.

Подошла сестра, взяла мать пальцами за подбородок, а потом привычным движением натянула одеяло ей на лицо. Одеяло приподнялось, и мальчик на мгновение увидел желтую ногу и голый живот.

Он смотрел на неподвижный теперь бугор, укрытый одеялом, и странное безразличие, какое-то странное спокойствие овладело им. Он подумал: «Вот и все» — и пошел из палаты в коридор.

Его догнала сестра.

— Ты ложись, — сказала она, — ты больной.

— Где моя одежда? — спросил мальчик. — Я должен сейчас ехать дальше.

Сестра что-то говорила ему, но он не слышал, что она говорит.

В коридоре были какие-то женщины с сумками, наверно, просто прохожие; как они туда попали, неизвестно. Они смотрели на мальчика, и кто-то спросил:

— В чем дело?

И кто-то сказал:

— Вот у мальчика мать умерла.

И кто-то приложил платок к глазам.

А мальчик сидел на деревянной скамье в коридоре, дрожа от холода, и не смотрел на всех этих людей. Он вдруг подумал, что когда он приедет в свой город, мать встретит его на вокзале.

Он был уже не маленький и понимал, что мать его умерла, и все-таки он так подумал.

— Я хочу уехать домой, — сказал он доктору.

— Ты не глупи, — сказал доктор, — вылечишься, поедешь.

— Я уже здоров, — сказал мальчик. — Где моя одежда?

В это время с улицы кого-то внесли на носилках.

Сзади шел здоровенный мужчина и громко плакал, сморкаясь.

Доктор махнул рукой и ушел следом за носилками.

А сестра сказала мальчику:

— Жди здесь.— И тоже ушла.

Она вернулась минут через двадцать и повела мальчика в кладовую.

Она вынула из мешка его мятую одежду, и он начал одеваться. Потом она вынула из другого мешка пальто, пуховый берет и туфли матери и скатала все это в узел. Она долго писала что-то на бумажке с лиловой печатью и спрашивала мальчика его имя и куда он едет.

— А в платье мы ее похороним,— сказала она.— Распишись за вещи и деньги пересчитай.

Он не стал пересчитывать, расписался и пошел к дверям. Сестра окликнула его и сунула в карман бумажку с лиловой печатью.

Ночью навалило снегу, труба теперь стояла не на кирпичном фундаменте, а на громадном сугробе. Мальчик прошел мимо и вспомнил, как вчера отдыхал здесь и держался рукой за проволоку. Потом он заметил, что идет по снегу, рядом с протоптанной тропинкой, и, наверно, поэтому так устал. Спина и шея у него были мокрыми от пота, а правая рука, которой он прижимал к себе узел, совсем ооченела.

Он вышел на площадь у вокзала; она была совсем незнакомой, тихой и белой. Дом с башенкой был другой, низенький, и очередь другая, и старуха больше не торговала рыбой.

Он вошел в вокзал, и его начали толкать со всех сторон. Людей было много, и они все лезли к кассам; мальчик сразу понял, что ему ни за что не пробиться к кассам. В толпе его прижали лицом к какому-то кожаному пальто, и пока их мотало вместе, мальчик успел привыкнуть к этому желтому пальто, а запах кожи он всегда любил.

— Дядя,— сказал он, когда их вытолкнули на свободное место,— закомпостируйте мне билет.

Дядя ничего не ответил, лишь мельком взглянул на мальчика, морщась, потирая ушибленный об угол локоть.

— Я заплачу,— сказал мальчик.

— Сопли утри, богач,— сказал дядя.

Он опять кинулся в толпу, а мальчик вспомнил, что вещи остались у женщины в железнодорожной шинели, и пошел ее искать.

Он долго ходил по перрону, замерз и пошел греться в зал ожидания. Все скамьи были заняты, он сел на подоконник и увидел дядю в кожаном пальто. Тот возился у громадного чемодана, прижимал его коленом и затягивал ремень, а рядом, на скамейке, спала женщина в точно таком же кожаном пальто и толстячок, удивительно похожий на дядю; мальчик сразу обозвал его про себя «маленький дядя».

Дядя, наверно, почувствовал, что на него смотрят, и обернулся.

— Вот я тебе! — сказал он.— Чего надо?

— Я тоже жду поезда,— сказал мальчик и показал билет. Вместе с билетом мальчик вытащил еще несколько бумажек, и две из них утали на пол.

Одну подобрал мальчик, другую дядя.

— Что за филькина грамота?— спросил дядя, близоруко щурясь.

— Это справка из больницы,— сказал мальчик.

Дядя надел очки, прочитал и сразу заторопился.

— Ну-ка, пойдём,— сказал дядя, толкнул спящую женщину и положил около нее узелок мальчика, а самого мальчика взял за плечо.

Он провел его через зал ожидания в коридор, где

у двери толпилось много людей, но дядя показал справку, и их пропустили. В комнате за дверью было тоже много людей, и какой-то сидевший за столом железнодорожник начал кричать, но дядя показал справку, и железнодорожник перестал кричать.

— А где хлопец? — спросил он, и дядя быстро вытащил мальчика из-за чьих-то спин.

— Это вас вчера сняли с эшелона? — спросил железнодорожник.

— Нас, — ответил мальчик.

— Зайдешь в камеру хранения, заберешь вещи. — И что-то написал на бумажке.

— Земляки, — сказал дядя. — Довежу, как родного сына.

— Ладно, — сказал железнодорожник и что-то написал на другой бумажке.

— Только у меня семья, — сказал дядя, прочитав бумажку, — жена и сын... Будет два сына.

— Ладно, — сказал железнодорожник и переписал цифру в бумажке.

— Пошли, пошли, дружок, — сказал дядя и обнял мальчика за плечи.

Он повел его на перрон, в камеру хранения, и мальчик получил вещи: два узла и два чемодана.

Один узел и чемодан взял дядя, а другой узел и чемодан взял мальчик, и они пошли в зал ожидания.

Здесь он усадил мальчика на скамью, пошептался с женщиной в кожаном пальто и ушел.

Женщина была с кудрявыми волосами, низенькая и толстая. Она покачала на коленях «маленького дядю», запустила ему руку за воротник, похлопала по шейке и сказала:

— Вот видишь, мальчик не слушался маму, и она умерла. Если ты не будешь слушаться, я тоже умру.

— А как она умерла? — спросил «маленький дядя».

— Закрывает глазки — и все, — сказала кудрявая женщина.

— Как дядя Вася? — спросил «маленький дядя».

— Нет, дядю Васю убили на фронте, — сказала женщина.

— А их можно оживить? — спросил «маленький дядя».

— Конечно, нет, глупенький, — сказала кудрявая женщина.

— А если б можно было, — сказал «маленький дядя», — я б лучше оживил нашего дядю Васю, чем его маму...

— Ой, ты мой глупыш, — засмеялась кудрявая женщина и начала снова похлопывать «маленького дядю» по шейке, — ой, ты мой глупыш, ой, ты мой глупыш, ой, ты мой глупыш!.. — Она посмотрела на мальчика, отодвинулась подальше, отодвинула вещи и спросила: — Мать твоя умерла от сыпного тифа?

— Нет, — ответил мальчик; он сидел и думал, как придет в свой город и встретит мать, которая, оказывается, осталась в городе, в партизанах. А в эвакуации он был с другой женщиной, и это другая женщина умерла в больнице. Ему было приятно так думать, и он думал все время об одном и том же, но каждый раз все с большими подробностями.

— Ты чего улыбаешься? — сказала кудрявая женщина. — Мать умерла, а ты улыбаешься... Стыдно...

Потом появился дядя и рядом с ним какой-то инвалид. Инвалид был в морском бушлате и черной морской ушанке. Вместо руки у него был пустой, плоский рукав, а вместо ноги постукивал протез.

Дядя что-то говорил и улыбался, и инвалид тоже говорил что-то дяде, а потом вдруг сунул ему прямо в нос громадную дулю.

Дядя отстранился и опять что-то заговорил, дру-

желюбно покачивая головой, и тогда инвалид плюнул ему в лицо.

Кудрявая женщина закричала и побежала к дяде, а дядя торопливо утерся ладонью и снова почему-то улыбнулся. Подошел патрульный солдат и потащил куда-то инвалида за единственную руку.

— Пристал, пьяная сволочь! — сказал дядя, переставая улыбаться. — Я иду, а он пристал. Не трогаю ведь его, иду, а он пристал... — У дяди было злое, расстроенное лицо, и он прикрикнул на мальчика: — Чего сидишь, собирайся!.. Билеты я закомпостировал..

Мальчик быстро вскочил со скамейки и взял в одну руку узел, а в другую чемодан.

Дядя вытащил из кармана веревку, связал два узла вместе и повесил их мальчику на плечо.

— А чемоданы бери в руки, — сказал дядя.

Началась посадка, и мальчик сразу отстал от дяди, и его затолкали в самый конец громадной толпы, откуда виден был лишь верх зеленых вагонов. Мальчик попробовал протиснуться ближе, и это ему удалось, он уже начал различать окна и лица в окнах и потом увидел в окне дядю. Тогда он начал лезть вперед изо всех сил и почувствовал, что веревка, связывающая узлы, лопнула. Передний узел он успел подхватить зубами, а задний узел упал, и мальчик наступил на него ногой. Но тут мальчика сильно толкнули в спину, и он оказался у самого вагона.

Дядя в вагоне заметил его, исчез из окна и появился на ступеньках.

— Сюда давай! — крикнул дядя, протянул руку и взял узел у мальчика из зубов, а второй рукой вытащил его вместе с чемоданами на ступеньки. — Вот и в порядке, — сказал дядя и повел его по загроможденному проходу.

— А теперь наверх, — сказал дядя и подсадил мальчика на верхнюю полку, — узел под голову и спи спокойно.

Кудрявая женщина сидела внизу на одной скамейке, «маленький дядя» — на другой, а сам дядя стоял и говорил людям с чемоданами:

— Проходите, впереди свободно... Проходите, тут едут три семьи, тут занято...

Потом вагон дернуло, и мальчик понял, что они поехали.

Он увидел заснеженный перрон, забор и за забором площадь и очередь и увидел старуху, торгующую рыбой; она шла через площадь в валенках и с плетеной кошелкой. В конце площади был дом с башенкой, где была лестница винтом. А если пойти влево, то можно дойти до трубы, а оттуда до больницы.

И вдруг что-то повернулось и защемило в груди, и мальчик удивился, потому что еще никогда так не щемило.

В окне уже было поле, все время одинаково, белое, и одинаковые столбы, которые, казалось, за провода протягивают друг друга мимо окна, и пока мальчик смотрел на провода, щемять стало слабее. Мальчик лежал, свернувшись клубком, потому что в ногах стояли дядины большие чемоданы, и старался не смотреть вниз, где кто-то ходил, позвякивала посуда и мелькали какие-то головы. Он был здесь один, на полке, и полка пошатывалась и везла его домой.

Мальчик заснул, и ему что-то снилось, но когда он проснулся, то посмотрел в холодное окно, забыл сон и вспомнил, что мама умерла.

У него начало давить в горле и болеть спереди, над бровями, и он всхлипнул и потом начал всхлипы-

вать громче и чаще и сам удивился, почему это он не может остановиться, а все всхлипывает и всхлипывает.

Рядом с его лицом над краем полки появилась чья-то голова, и мальчик узнал вчерашнего дядю.

— Ты чего? — сказал дядя. — Так не годится, ты ведь большой мальчик...

Дядя исчез и появился снова с куском пирога. Пирог был помазан кисленьким сливовым повидлом, а на повидле лежали тоненькие хрустящие колбаски из теста.

Мальчик сначала откусывал колбаски и сосал их, как конфеты, потом вылизал повидло, а потом съел все остальное.

«Хороший дядя», — подумал мальчик и посмотрел вниз.

Было утро. «Маленький дядя» спал на громадной красной подушке, а кудрявая женщина и дядя о чем-то шепотом говорили.

Мальчик слез с полки, и кудрявая женщина мельком посмотрела на него, а дядя сказал:

— Сходи, займи очередь в туалет.

Мальчик пошел узким проходом, стучаясь о полки и углы чемоданов, и стал в очередь за каким-то стариком. Старик был в очень рваном пальто, но в красивом пенсне с толстыми стеклами и с кусочком седой, чистенькой бородки под нижней губой.

Впереди начался скандал, какая-то женщина хотела прорваться без очереди.

— У меня расстройство! — кричала она.

— Наплевать на твоё расстройство, — отвечал ей мужской голос, — я сам с семи утра дежурю!

— Нравы, — сказал старик в пенсне и криво усмехнулся, клочок бородки пополз влево, — нравы третьего года войны... — Он посмотрел на мальчика и, наверно, потому, что было скучно, спросил: — С матерью едешь?

— Нет, — ответил мальчик, — мама у меня в партизанском отряде. — Он сказал это неожиданно для себя и сразу пожалел, но было уже поздно.

— Вот как, — заинтересовался старик, — а ты как же?

— А я так, — сказал мальчик, чувствуя радостно заколотившееся сердце, — я с дядей, — сказал мальчик и вдруг увидел, что по коридору идет дядина кудрявая жена.

Он покраснел и торопливо отвернулся от старика, собиравшегося задать новый вопрос.

— Ты за кем? — спросила кудрявая женщина. — Понятно, а за тобой кто?

За мальчиком стояла толстая женщина, вернее, когда-то она была толстой, теперь кожа на ней висела, как пустой мешок.

— Это не выйдет, — сказала она, — он, может, еще полвагона вперед пропустит.

— Вы не волнуйтесь, — сказала кудрявая женщина, — мальчик уйдет, я вместо мальчика.

Но толстая женщина, видно, была сильно обозлена, что ее не пустили без очереди. Она перегородила коридор рукой и сказала:

— Неплохая замена. Мальчику туда на пять минут, а тебе на два часа...

— Как вам не стыдно, — сказал старик, — война, люди жертвуют собой... Мать этого мальчика, например, в партизанском отряде...

— Какого? — спросила кудрявая женщина. — Этого? Да что же ты врешь, — сказала она мальчику, — твоя ж мать умерла позавчера в больнице...

Мальчику стало очень жарко, и сильно зашумело в ушах.

— Горя своего стыдится, — сказала толстая женщина.

Мальчик быстро пошел назад и полез на полку. У него опять начало давить в горле и болеть над бровями, и, чтоб не всхлипывать, он крепко закрыл глаза и крепко стиснул зубы. Он лежал так долго, и полка скрипела, и снизу гудело, и над головой что-то постукивало. Потом сразу все стихло, мальчик открыл глаза и увидел в окно перрон, по которому бежало много людей. Дяди в купе не было, а кудрявая женщина кормила «маленького дядю» с ложечки сгущенным молоком. Мальчик подумал, что это сладкое, сгущенное молоко можно кушать и кушать, целый день можно кушать, если не набирать его на ложечку, а макать ложечку и облизывать.

Кудрявая женщина посмотрела на мальчика, и мальчику вдруг стало страшно: без дяди она высидит его на перроне, и он опять останется один.

— Деньги у тебя есть? — спросила кудрявая женщина.

— Есть, — торопливо ответил мальчик, полез в карман и вытащил деньги.

Кудрявая женщина взяла деньги, пересчитала и сказала:

— О чем люди думают, когда пускаются в такую дорогу? О чем твоя мать думала... Тут ведь на тебя одного не хватит.

— У нас еще была кошелка с уроком и лепешками, — сказал мальчик, — но она потерялась. И еще есть отрез, — сказал мальчик, — его можно продать.

Он хотел вскрыть грязный, сплюснутый узел, но мать зашила его крепкими, суровыми нитками, и мальчик поцарапал палец. Он посмотрел на задрывшуюся кожицу, на набухавшую капельку крови и всхлипнул.

— Ты чего там? — спросила кудрявая женщина.

— Я порезал палец, — ответил мальчик.

— Ревешь, — сказала кудрявая женщина, — не стыдно, такой большой бугай!

— Я не реву, — сказал мальчик, — а когда дядя придет, я расскажу ему, как вы на меня говорите.

Тогда кудрявая женщина начала смеяться и сказала:

— Ты лучше застегни ширинку, герой...

В это время поезд дернул, и кудрявая женщина начала кричать:

— Ой, он отстал, он отстал!

А «маленький дядя» заплакал. Мальчику стало жалко «маленького дядю», и он сказал:

— Ты не плачь, папа догонит поезд на самолете...

Тогда женщина крикнула:

— Ты, дурак, молчи... Приблудился на нашу шею. — И начала ломать руки.

Но тут появился дядя с полной кошелкой, которую он прижимал к груди, и кудрявая женщина сразу начала ругать дядю, а он молча выкладывал из кошелки на столик хлеб, дымящиеся картофелины, огурцы и большую жирную селедку.

Мальчик повернулся лицом к стенке и закрыл глаза, но все равно не забыл жирную селедку с картошкой и огурцами. Он ел бы все это отдельно, чтоб было больше. Сначала огурцы, откусывая маленькими кусочками, потом селедку с хлебом, а на закуску картошку. Он даже пошевелил губами, повернулся лицом навстречу вкусному запаху и вдруг увидел прямо перед собой большую теплую картошку и половинку огурца и хлебную горбушку с довеском мякоти.

— Кушай, мальчик, — сказал дядя, — обедай...

Мальчик съел картошку вместе с кожицей, под кожицей она была мягкая и желтая, как масло. Огурец он сначала обкусал со всех сторон, а серединку оставил на закуску. Потом осторожно глянул вниз, не смотрит ли кто, и обрывком жирной газеты, на ко-

торой дядя подал ему еду, натер горбушку и мякоть. Получился хлеб с селедкой, и мальчик ел его медленно, маленькими кусочками.

После еды мальчику стало тепло, весело, и захотелось сделать для дяди что-нибудь хорошее.

Он вспорол зубами крепкие нитки на узле, вытащил пахнущий нафталином коричневый отрез и сказал:

— Дядя, пошейте себе костюм.

Дядя удивленно поднял брови, но кудрявая женщина быстро вскочила и протянула руку.

— Это не вам, это дяде, — сказал мальчик и отдал дяде отрез.

К полке подошел старик в пенсне, теперь он был не в рваном пальто, а в короткой женской кофте.

— В такое трагичное время, — сказал он, — трудно быть взрослым человеком... Трудно быть вообще человеком...

«Маленький дядя» посмотрел на старика и заплакал, а кудрявая женщина сказала:

— Проходите, дедушка, вы испугали ребенка.

Но старик продолжал стоять, покачиваясь, часто моргая красными веками, и тогда дядя вскочил, взял его за воротник кофты и толкнул в глубину прохода.

Мальчик рассмеялся, потому что старик смешно взмахнул руками, а пенсне его слетело и повисло на шнурочке, и подумал: «Хороший дядя, прогнал старика».

Поезд шел и шел, полка скрипела, снизу гудело, сверху постукивало, и вскоре мальчик увидел за окном среди снега черные, обгорелые дома. И танк с опущенным стволом. И грузовик кверху колесами. И еще один танк, и еще один грузовик...

Поезд шел очень быстро, и все это летело назад, мальчик ничего не мог разглядеть как следует. Потому кто-то опять подошел и остановился у полки, и мальчику стало страшно, потому что он узнал инвалида с плоским рукавом.

Инвалид держал об руку военного в шинели без погон, ушанке и с гармошкой на плече. Лицо военного было в темно-зеленых пятнышках, а на глазах черные очки.

И дяде тоже стало страшно, мальчик увидел, как дядя поперхнулся селедочным хвостом, — хвост теперь торчал у дяди изо рта.

Дядя кашлял, а инвалид с военным молча стояли и смотрели.

Наконец дядя засунул пальцы в рот, вытащил селедочный хвост и сказал инвалиду:

— Здравствуйте, — как будто инвалид никогда не давал дяде дули и никогда не плевал ему в лицо.

— Здравствуйте, — вежливо ответил инвалид, — мы где-то с вами виделись.

— Конечно, конечно, — сказал дядя, — может, вы перекурить хотите, так присаживайтесь.

— Спасибо, — ответил инвалид, — у нас свое есть. — И выложил на столик алюминиевую флягу и завернутый в газету пакет.

— Кисонька, — сказал дядя кудрявой женщине, — погуляй с ребенком, пока люди пообедают.

Кудрявая женщина сердито посмотрела на дядю, взяла на руки «маленького дядю» и вышла в коридор, а дядя торопливо порылся в корзине и выставил на столик два покрытых никелем железных стаканчика.

Инвалид отвинтил крышку фляги и налил в стаканчики, а военный начал шарить пальцами по столику, натываясь то на флягу, то на пакет, пока не опрокинул один стаканчик.

— Эх, — сказал инвалид, — ведь чистый спирт. — Он снова налил и вложил стаканчик военному в руку.

Дядя быстро достал тряпку и начал вытирать лужицу на столике.

— Зачем? — поморщившись, сказал инвалид.

— Как же, как же, — сказал дядя, — вот товарищ слепой рукав намочит.

Инвалид и военный выпили, крикнули, и инвалид начал разворачивать одной рукой пакет. В пакете был точно такой пирог, какой ел мальчик утром. Только не кусочек, а громадный кусок, мальчику его б хватило на целый день, а может, и на два дня.

— Закуска дрянн, — сказал инвалид, — по коммерческим ценам давали...

Он вынул из кармана тяжелый позолоченный портсигар и раскрыл его. Портсигар был плотно набит кислой капустой. Инвалид взял щепотку капусты, затем схватил руку военного и тоже сунул ее в портсигар. Они выпили и сразу же, не переводя дыхания налили и выпили опять.

В это время поезд застучал по жосту, и инвалид сказал военному:

— Вот она, Волга!

Они выпили снова, и лицо военного стало красным, а щеки инвалида, наоборот, побелели. Головы их мотались низко над столиком, а за головами в окне до самого горизонта стояли припорошенные снегом танки, машины и просто непонятные, бесформенные куски.

— Кладбище, — сказал инвалид, — наломали железа.

Они выпили, и инвалид сказал:

— Давай фронттовую...

Пальцы у военного часто срывались, он бросал мелодию на середине и начинал сначала.

Вскоре у купе собралось много людей. Толстая женщина сказала:

— Браток, а может, ты «Васильки-василечки» сыграешь?

Но военный продолжал играть одну и ту же мелодию, обрывая ее на середине и начиная сначала.

Голову он повернул к окну, и очки его смотрели на заснеженное железное кладбище, где летали вороны, очень черные над белым снегом.

Локоть шинели у военного был вымазан повидлом от пирога, и инвалид взял пирог, встал, пошатываясь, и сказал мальчику:

— Кушай, пацан.

Мальчик увидел перед собой плохо выбритое лицо, дышавшее сквозь желтые зубы горячим, остро и неприятно пахнущим воздухом, и отодвинулся подальше, в самый угол.

— Если мальчик не хочет, — сказал старик в пенсне, — я могу взять.

— Нет, — сказал инвалид, — пусть пацан съест. — И положил пирог возле мальчика.

Поезд начал стучать реже, зашипел, дернул и остановился у какого-то обгорелого дома.

— Твоя, — сказал инвалид военному.

Тот поднялся, и они вместе пошли по проходу.

— Унесло? — спросила кудрявая женщина, заглядывая в купе. — Насвинячили, алкоголики!

— Тише, — сказал дядя, — он еще вернется...

Поезд вновь двинулся, на этот раз без толчка, и пока он медленно набирал скорость, мимо окна ползли заснеженные развалины и снежная дорога, по которой среди развалин шли люди.

Поезд грохотал уже на полной скорости, когда инвалид вернулся в купе и сел над недопитым стаканом, опершись головой на руку.

Он сидел так долго и молчал, и дядя сидел и молчал, на самом краешке скамейки, а кудрявая женщина каждый раз заглядывала в купе и уходила опять.

Наконец дядя очень тихо и очень вежливо спросил:

— Вы, может, спать хотите? Может, вас проводить?

Но инвалид продолжал сидеть и потряхивать головой над недопитым стаканом.

Тогда дядя подошел, осторожно потрогал инвалида за плечо, и тот сказал усталым голосом, не поднимая головы:

— Уйди, тыловая гнида...

Тут появилась кудрявая женщина и закричала:

— Вы не имеете права!.. У нас был такой случай: инвалид обругал мужчину, а мужчина оказался работник органов, и инвалида посадили.

— Гражданин, — сказал дядя уже поостроже, — освободите место. Здесь едет моя жена и ребенок.

Инвалид медленно поднялся, посмотрел на дядю и вдруг схватил, сжал пальцами дядин нос.

— Барахло назад отдай пацану, — сказал инвалид, — отдай, что взял...

Дядин нос сначала позеленел, потом побелел, и на дядин полувойенный френч потекла тоненькая красная струйка, через весь френч, на галифе и дальше по сапогу.

Кудрявая женщина громко закричала, а «маленький дядя» заплакал, и мальчик, хоть ему было страшно, тоже крикнул:

— Не трогайте дядю, пустите дядю...

В это время кудрявая женщина наклонилась к чемодану и бросила подаренный дяде отрез прямо мальчику в лицо, а проводник и толстая женщина оторвали инвалида от дяди, и дядя сразу куда-то убежал.

Инвалид устало оперся рукой о полку, облизал губы и спросил проводника:

— У тебя, папаша, галюн открыт?.. Мутит меня...

— Нужно оно тебе, — покачал усатым лицом проводник и повел инвалида, придерживая его за спину рукой.

Появился дядя и начал хватать свои чемоданы. Он сказал кудрявой женщине:

— Собирайся, я договорился в третьем вагоне.

— Дядя, — крикнул мальчик, — подождите!

Но дядя даже не посмотрел в его сторону: он очень торопился.

У мальчика опять начало давить в горле, однако он не сжимал глаза и зубы, чтоб не заплакать, потому что ему хотелось плакать, и слезы текли у него по щекам, по подбородку, и воротник свитера и пальцы — все стало мокрым от слез.

— Он ему в действительности дядя? — спросила толстая женщина.

— Не знаю, — ответил старик в пенсне, — ехали они вместе.

Появился инвалид; лицо, шея и волосы его были мокрыми, и он каждый раз отфыркивался, точно все еще находился под краном.

— Граждане, — сказал он, — отцы и матери, надо довести пацана... Меня пацан, граждане, боится... — Инвалид зубами расстегнул ремешок часов и положил их на столик. — Довезешь, проводник, папаша? Денег нет... Пропился я, папаша... — Он вытащил из кармана портсигар, вытряхнул прямо на пол остатки капусты и положил портсигар на столик, рядом с часами. — Вещь... Целый литр давали. — Потом вытащил из кармана зажигалку, складной нож, фонарик, потом подумал, расстегнул бушлат и принялся размазывать теплый, ворсистый шарф.

— Шерсть, — сказал он.

— Да ты что, — сказал проводник и придвинул все

лежавшее на столике назад к инвалиду,— ты брось мотать... Доведем, чего там...

А толстая женщина взяла портсигар и сказала:

— Он его все равно пропьет... Лучше уж мальцу еды наменять, скоро станция узловая...

Инвалид посмотрел на нее, качнулся и вдруг обхватил единственной рукой за талию и поцеловал в обвисшую щеку.

— Как из винной бочки,— сказала толстая женщина и оттолкнула его, но не обозлилась, а, наоборот, улыбнулась и кокетливо поправила волосы.

Инвалид провел рукавом по глазам, обернулся и подмигнул мальчику.

— Ничего,— сказал он,— ничего, парень, не робей.— И пошел по проходу.

Мальчик увидел его сутулую спину, стриженный затылок и большие, толстые пальцы, которыми он поправил, заломил на ухо свою морскую ушанку.

В вагоне потемнело, и проводник зажег свечу в фонаре под потолком.

Мальчик лежал затылком на распотрошенном узле и смотрел, как горит свеча. Толстая женщина дала ему хлеб с белым жиром, стакан сладкого кипятку, и теперь он лежал и ни о чем не думал.

Постепенно шаги и голоса стихли, остался лишь привычный гул поезда да скрип полки. Мальчик опустил ресницы и увидел перед собой яркие розовые круги.

Он понял, что это свеча, повернулся на бок, и круги стали черными. Потом он вспомнил, что больше нет дядиных чемоданов, разогнул ноги в коленях и начал уже засыпать, когда какой-то шорох разбудил его. По купе ходил старик в пенсне. Он ходил на цыпочках, с полусогнутыми руками, и заглядывал в лица спящим. Потом он очень медленно, как слепой, вытянул руки вперед и шагнул к окну.

Голову он поворачивал рывками, то в одну, то в другую сторону, губы его шевелились. Мальчик лежал неподвижно, он видел часть спящего лица толстой женщины, раскрытый рот и видел огонек свечи в темном окне и протянутые к этому огоньку пальцы старика. Пальцы потянулись дальше, и огонек появлялся теперь то среди волос старика, то на его бороде. Вдруг пальцы быстро прикоснулись к висящей на крючке у окна сетке с хлебом и так же быстро, точно хлеб этот был раскаленный, отдернулись назад.

Толстая женщина издала губами странный, похожий на поцелуй звук и вынула руку из-под головы. Ресницы ее дрогнули.

Когда мальчик приподнял голову, старика в купе не было.

Мальчик полежал еще немного с открытыми глазами, и сердце его начало биться тише и спокойней. Тогда он прикрыл веки и хотел повернуться к стенке, но вместо этого снова открыл один глаз.

Старик стоял у самой полки. Под седыми, редкими волосами была видна нечистая белая кожа.

Он снял кофту и был теперь в шелковой мятой рубашке, обтрепанные манжеты вместо запонки были скреплены проволокой.

Он пошел, пригнувшись,— так ходят в кинокартинах разведчики, и это было очень смешно,— но мальчику стало не смешно, а страшно, как утром, когда он проснулся и вспомнил, что мама умерла.

Пальцы старика скользнули по корке, отщипнули маленький кусочек этой коричневой корки вместе с серой мякотью, и в этот момент он оглянулся и встретился взглядом с мальчиком. Поезд шел в темноте, чуть-чуть подсвеченной снегом; казалось, за окнами больше нет жизни, лишь изредка мимо окон проносились какие-то неясные предметы.

Толстая женщина опять спала с открытым ртом, и в глубине ее рта поблескивал металлический зуб.

Старик осторожно распрямился, покачивая головой, и переложил хлеб из ладони в задний карман брюк.

Он все время, не мигая, смотрел на мальчика, и мальчик приподнялся на локтях, отломил угол от пирога, оставленного инвалидом, и протянул старику. Старик взял и сразу проглотил. Мальчик снова отломил снизу, где не было повидла, и старик так же быстро взял и проглотил. Мальчик отдал старику по кусочку всю нижнюю часть пирога, а верхнюю, с повидлом и печеными хрустящими колбасками, оставил себе.

Пришел проводник и для светомаскировки обернул фонарь темной тряпкой,— теперь только туманное пятно сжималось и разжималось на потолке. Старик стоял, морща лоб и что-то припоминая, а затем пошел вдоль вагона, мимо храпящих полок, мимо спящих, сидя и полулежа, людей, до тамбура, где на узлах тоже лежали какие-то люди.

— Неужели это никогда не кончится? — тихо сказал старик и пошел назад.

Он стоял у полки мальчика и смотрел, как мальчик спит.

Мальчик спал, лежа на распотрошенном узле и положив щеку на голенища фетровых женских бот. Рукава его свитера были закатаны, а ботинки расшнурованы.

Мальчику снился дом с башенкой, дядя, старуха, торгующая рыбой, инвалид с сильными, толстыми пальцами и еще разные лица и разные предметы, которые он тут же во сне забывал. Уже перед самым рассветом, когда выгоревшая свеча потухла и старик прикрыл ноги мальчика теплой кофтой, мальчик увидел мать, вздохнул облегченно и улыбнулся.

Ранним утром кто-то открыл дверь в тамбур, холодный воздух разбудил мальчика, и он еще некоторое время лежал и улыбался...